

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

НИКОЛАЙ СТАНКОВ

В фондах Архива внешней политики Российской Федерации хранятся документы советской миссии Красного Креста и торговой делегации РСФСР в Чехословакии. В телеграммах и письмах руководителей миссий в Народный комиссариат иностранных дел, в ежемесячных отчетах миссий и в специальных обзорах содержатся сведения о внешней политике ЧСР, о внутривнутриполитической и экономической ситуации в стране в начале 1920-х годов. В настоящей статье предпринята попытка показать, как в документах миссий отражены межнациональные отношения в ЧСР, на какие проблемы советские дипломаты обращали особое внимание.

Чехословацкое государство образовалось в так называемых исторических границах чешских земель, включавших территорию Чехии, Моравии и Силезии, к которым присоединились Словакия и Подкарпатская Русь. По переписи 1921 г. в ЧСР проживало 13 613 172 человека. Из них чехи и словаки, которые в соответствии с официальной доктриной о единой чехословацкой нации статистически учитывались вместе, составляли 65,51 %, немцы – 23,36 %, венгры – 5,57 %, «русские» или русины (так обозначалось все восточнославянское население ЧСР) – 3,45 %, евреи – 1,35 %, поляки – 0,57 %, румыны – 0,10 %, цыгане – 0,06 %, югославы – 0,02 %.¹ В донесениях в Москву сотрудники советских миссий нередко отмечали проблемы во взаимоотношениях чехов с богемскими немцами, словаками, карпато-русинами. В некоторых письмах они называли Чехословакию «Австро-Венгрией в миниатюре», имея ввиду многонациональный состав молодой республики и сложные межэтнические отношения.² При

1 Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / отв. ред. В. В. Марьина. Москва 2005, с. 103.

2 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53923, л. 6

этом проблемы отношений с немцами, словаками и русинами освещались по-разному.

В первых донесениях руководителя советской миссии Красного Креста С.И. Гиллерсона, прибывшей в Прагу 10 июля 1920 г., о каких-либо конфликтах между чехами и немцами не было и речи. Гиллерсон сообщал в Наркомат иностранных дел о солидарных действиях чешских и немецких социал-демократов в защиту Советской России в условиях польско-советской войны, об их требованиях не пропускать в Польшу и Венгрию транспорты с вооружением и амуницией, немедленно установить дипломатические отношения с Москвой и т.п.³ Чешские и немецкие рабочие были солидарны также и в вопросах внутренней и экономической политики; они требовали социализации крупных предприятий, конфискации латифундий, отделения государства от церкви и т.д.⁴

В осенние месяцы, особенно в октябре-ноябре, характер информации резко изменился. В письме наркому Г.В. Чичерину 22 октября Гиллерсон указывал на множество «жгучих вопросов, доставляющих немало тревоги правительству», среди них отмечая в первую очередь немецкий вопрос. Причем ответственность за обострение чешско-немецких отношений Гиллерсон возлагал на правительство Я. Черны, пришедшего к власти 15 сентября 1920 г.: «Теперешнее деловое правительство приняло с самого начала заметно реакционный, шовинистический национальный курс. Немецкий и словацкий вопросы значительно обострились. В немецких провинциях это особенно сказывается в школьном и рекрутском вопросах, по поводу чего протест немцев принимает местами демонстративный характер». Примечательно, что глава советской миссии не скрывал, что «от “национализма” далеко не свободны и чешские крайние левые».⁵

17 ноября Гиллерсон телеграфировал в Москву об эксцессах «на почве немецко-чешских национальных раздоров», выражая опасение, что в Праге «погромные выступления против немцев и евреев» могут сопровождаться и выступлениями против советской миссии,⁶ которая в то время подвергалась острой критике в пражской печати.⁷

Подробный анализ чешско-немецких отношений содержался в отчете миссии за ноябрь 1921 г. Отмечалось, что немецкие политические партии впервые принимают участие в работе парламента, так как они бойкотируют

3 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53927, л. 5, 13–14.

4 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53927, л. 14.

5 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53925, л. 6.

6 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53927, л. 51.

7 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53927, л. 21

вали Революционное Национальное собрание, созданное в ноябре 1919 г. В момент образования чехословацкого государства немцы, проживавшие большими компактными массами в северо-западной части Чехии, в ряде областей Моравии и Силезии, не хотели оставаться в составе ЧСР и стремились присоединиться к Германии. Но Прага всеми силами этому воспротивилась, заявив о своих правах на приграничные территории. Как отмечалось в отчете: «Чехи не без основания доказывали, что среди немецкого населения окраин Чехословакии живут значительные чешские меньшинства и, кроме того, немцы пришли в Чехию, как колонисты и не могут претендовать на чешскую территорию». После выборов в Национальное собрание в апреле 1920 г. немецкие буржуазные партии с первых заседаний заявили о своей оппозиции правительству, указывая на незаконность конституции ЧСР принятой без участия немцев, жалуясь на притеснения со стороны чехов, в особенности «на гонения» на немецкие школы.⁸

Враждебные отношения обоих народов достигли крайней остроты во вторую годовщину Чехословацкой республики, 28 октября 1920 г., и «вылились в так назыв[аемые] “национальные бури”». Чешские легионеры и солдаты, раздраженные враждебными выходками немцев, сбросили в Теплицах, а позже в Хебе и Аше памятники Габсбургам. Немецкие националисты в отместку разрушили в Теплицах чешскую школу, разорвали портрет президента ЧСР Т.Г. Масарика, отрезали немцам поддерживавших отношения с чехами косы и «выставили их на поругание». В Хебе и Аше произошли столкновения немцев с чешскими солдатами, причем было четверо убитых и много раненых.⁹ В ответ на эти события в Праге прошли антинемецкие демонстрации. «Демонстранты в количестве двух-пяти тысяч врывались в немецкие школы, кофейни, редакции, повсюду отыскивая портреты и бюсты Габсбургов, – сообщалось в отчете. – Немецкие театры были демонстрантами объявлены нац[иональной] собственностью, немецкие две газеты были закрыты, обстановка в немецких клубах была отчасти уничтожена, отчасти попорчена и т.п.»¹⁰ Данное описание картины погрома в отчете советской миссии на наш взгляд нуждается в некотором уточнении и сравнении с донесениями германского посольства в Праге, в которых также отмечалось, что толпы людей врывались в здания немецких обществ и организаций, крушили мебель, выбрасывали на улицу документы. Нападениям подверглись несколько немецких школ, гимнастический зал, союз немецких ремесленников, студенческое общежитие и столовая, немецкая библиотека, часть

8 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 29.

9 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 29.

10 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 30.

книжного фонда была уничтожена, а также немецкий театр. Что касается закрытия двух немецких газет, то здесь допущена неточность. Речь идет о газетах «Prager Tagblatt» и «Bohemia», которые в течение трех дней не выходили. Однако проблема была не в том, что они были запрещены, а в том, что во время «национальных бурь» толпы ворвались в здания редакций «Prager Tagblatt» и «Bohemia», перерезали телефонные линии, привели в негодность наборные машины, выбросили на улицу документы и письма, после чего понадобилось несколько дней, чтобы возобновить издание этих газет.¹¹

В отчете советской миссии предпринималась попытка определить социальный состав участников массовых антинемецких выступлений в Праге. Отмечалось, что «в демонстрациях принимали участие мелкие чиновники, служащие в банках и различных канцеляриях, лавочники и т.д.» Возглавить движение пытались «реакционные легионеры», выступившие с лозунгом: «Чехословакия – государство национальное, а не националистическое. Она не будет новой Швейцарией».¹²

В отчете миссии особо подчеркивалось, что во время массовых антинемецких выступлений «рабочие стояли в стороне». Главным образом, именно благодаря рабочим, собравшихся на митинг в Народном доме, по окончании которого они «решили посмотреть не только немецкие квартиры, но отправились на квартиры чешских капиталистов», прекратились продолжавшиеся в течение трех дней антинемецкие демонстрации. Как отмечалось в отчете, «буржуазные партии и городская дума издали воззвания, в которых указывали, что необходимо прекратить демонстрации, так как ими могут воспользоваться крамольные элементы». Партийная печать чешских национальных демократов, аграриев и национальных социалистов расценивала антинемецкие выступления как «взрыв патриотического чувства против провокации немцев» и поддержала их. Против демонстраций резко высказались «*Čas*», «*Československá republika*» и «*Právo lidu*», которые указывали, что они нанесли большой вред международному престижу республики.¹³

Немецкие депутаты бурно протестовали против насилий над немцами и устроили в парламенте обструкцию с пением «*Wacht am Rhein*». Они покинули стены Национального собрания, заявив, что не могут работать, так

11 Подробнее см.: Deutsche Gesandtschaftsberichte aus Prag. Innenpolitik und Minderheitenprobleme in der Ersten Tschechoslowakischen Republik. T. 1. Von der Staatsgründung bis zum ersten Kabinett Beneš 1918–1921. Berichte des Generalkonsuls von Gebattel, des Konsuls König und des Gesandten Professor Saenger / ausgewählt, eingeleitet und kommentiert von M. Alexander. München – Wien 1983, S. 321–323, Dok. 130; S. 351–358, Dok. 145

12 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 30.

13 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 30.

как правительство ЧСР не пользуется никаким авторитетом и не способно прекратить беспорядки.¹⁴

23 ноября правительство ответило на запросы о «национальных бурях» перед успокоившимся парламентом и обещало наказать виновных. Но, как отмечалось в отчете миссии, «тон всех речей правительства» сводился к тому, что «немцы своими издевательствами над чехами, неповиновением распоряжениям правительства вызвали справедливый гнев чехов». Тем не менее, правительство обещало возместить убытки от демонстраций, принять меры, чтобы предотвратить подобные выступления в будущем, внести законопроект об устранении памятников Габсбургам.¹⁵

В последующих донесениях Гиллерсона в Москву неоднократно отмечалось, что немецкий вопрос «дает по-прежнему немало конфликтов».¹⁶ В то же время глава советской миссии не исключал возможности создания правительственной коалиции чешских и немецких политических партий и считал, что с немецкими политическими лидерами следовало поддерживать добрые отношения. Когда к Гиллерсону обратились представители организации по репатриации пленных немецкой национальности с просьбой оказать содействие в возможно скором возвращении этих пленных в Чехословакию, он просил Чичерина повнимательнее отнестись к их просьбе, «так как в последнее время делаются попытки со стороны некоторых чешских видных политических деятелей привлечь немцев к участию в правительстве». «В случае вступления немцев в правительство можно ждать некоторой эмансипации от Антанты, главным образом – Франции, и некоторого поворота в нашу пользу, – писал Гиллерсон наркому 13 декабря 1921 г. – Скорейшим возвращением пленных мы можем лишь привлечь симпатии здешних немцев». Он просил Чичерина принять меры для удовлетворения других просьб вышеуказанной организации и поскорее освободить ее представителя Клауса, задержанного в Верхнеудинске, а также арестованных без всякой причины пленных немцев в Москве и Петрограде.¹⁷

Советские дипломаты внимательно отслеживали все события во внутрисоветской жизни Чехословакии, малейшие перемены в чешско-немецких отношениях. 28 апреля Гиллерсон сообщал Чичерину о консультациях президента Масарика с представителями всех парламентских клубов, в том числе и немецких. Немецкий парламентский союз, объединявший буржуазные партии, приглашения не принял. «Это вызвало крайнее раз-

14 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 30.

15 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 30

16 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53929, л. 14.

17 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53927, л. 62.

дражение в чешской печати, где заговорили о немецкой ирреденте и т.п., – писал Гиллерсон. – Нужно, правда, отметить, что поступок немецких парламентариев осуждается и многими немцами...».¹⁸

С приходом к власти правительства Э. Бенеша 26 сентября 1921 г. пробудились надежды на скорое урегулирование немецко-богемского вопроса. 27 сентября и 1 октября председатель торговой делегации РСФСР в ЧСР П.Н. Мостовенко писал Чичерину: «Ряд газет приветствует назначение Бенеша, высказывая надежду на способность его содействовать разрешению немецкого вопроса».¹⁹ В частности, отмечал Мостовенко: «"Národní politika" утверждала, что шаги к упорядочению отношений с немцами будут предприняты Бенешем в ближайшее время».²⁰ В то же время советский дипломат подчеркивал, что приход к власти нового правительства вызвал неоднозначную реакцию среди богемских немцев. Мостовенко отмечал, что печать немецких социал-демократов «относится к новому кабинету крайне пессимистически и враждебно», «немецкая буржуазная печать настроена скептически, но все же допускает возможность правительственных шагов навстречу немцам».²¹ С пессимизмом богемские немцы отнеслись к правительственному заявлению Бенеша, с которым он выступил в Национальном собрании 18 ноября 1921 г. В обзоре печати, подготовленном торговой делегацией РСФСР, отмечалось, что, по мнению газеты «Bohemia», Бенеш свел национальную проблему к вопросу о переписи населения и игнорирует немецкую точку зрения на конституцию. «Никто не ждет в немецком лагере, – писала газета, – от этой коалиции изменения курса. Все остается по-старому». «Prager Tagblatt» назвала правительственное заявление Бенеша «ловкой дипломатической речью».²²

В обзорах советской торговой делегации значительное место отводилось сообщениям из немецких газет, анализу выступлений немецких депутатов в Национальном собрании ЧСР, оценке ими дипломатии Бенеша, обвиняемого в подчинении внешней политики Чехословакии интересам Франции.²³ Резкой критике немецко-богемские политики подвергали деятельность французской военной миссии в ЧСР и чехословацко-французское военное сотрудничество.²⁴ В то же время депутаты от всех немец-

18 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53929, л. 23.

19 АВП РФ, ф. 138а, оп. 4, п. 4, д. 27-а, л. 14.

20 АВП РФ, ф. 138а, оп. 4, п. 4, д. 27-а, л. 13.

21 АВП РФ, ф. 138а, оп. 4, п. 4, д. 27-а, л. 13.

22 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53937, л. 106–107.

23 См.: АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 275, д. 53947, л. 171–173.

24 См.: АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53939, л. 3; п. 275, д. 53942, л. 13

ко-богемских партий приветствовали подписание советско-германского договора в Рапалло 16 апреля 1922 г.²⁵ Особое внимание советской миссии привлекло выступление депутата от немецкого «Союза сельских хозяев» Ф. Шпины, который охарактеризовал Рапальский договор как «союз двух народов, которых традиция тесно связывает». Он подчеркнул: «Россия не только снова вступила на арену европейской политики, но и заняла немедленно роль мощного фактора, хотя она и в нищенском рубище». Далее Шпина отметил: «Германо-русское соглашение создало в Европе германо-славянскую сферу интересов. И наше государство должно решить вопрос к какой сфере интересов оно принадлежит. Бенеш ничего не сделал для подъема России путем производительных ценностей. Он не мог этого сделать ввиду зависимости от французской политики. [...] Реальная чешская политика должна смотреть на 3,5 млн немцев в Чехословакии как на естественный мост между Германией и ЧСР и прилечь их как посредника».²⁶

В обзорах миссии также значительное внимание уделялось заявлениям лидера чехословацкой Национально-демократической партии К. Крамаржа, выступавшего неизменно с антибольшевистских и антинемецких позиций, не допускавшего никакой возможности участия богемских немцев в правительственной коалиции ЧСР, возмущавшегося даже тем, что Коммунистическую партию Чехословакии в III Интернационале представлял немец К. Крайбих.²⁷

При анализе внутривнутриполитической ситуации в ЧСР в документах советских миссий отмечались также сложные взаимоотношения чехов со словаками и русинами, подчеркивалось, что в Словакии и в Подкарпатской Руси имели место протесты против пражского централизма и требования автономии.²⁸

В обзоре миссии Красного Креста о положении в Словакии²⁹ сообщалось, что чехословацкая печать полна тревожных известий о постоянном брожении в Словакии и не скрывала, что ее население враждебно относится к чехам. Причины такого отношения объяснялись в обзоре с точки зрения классового подхода. При этом составителей обзора, очевидно, не смущало, что тем самым они несколько исказили реальную действительность.

25 См.: АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 275, д. 53948, л. 71, 77, 94.

26 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 275, д. 53948, л. 97.

27 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 275, д. 53947, л. 153; д. 53948, л. 92

28 См., например: АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53929, л. 14, 34.

29 К сожалению, документ без даты и подписи, хранится в деле «Чехословакия. Информационные материалы. 1920 г.» (АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 35–36).

В документе, в частности, говорилось: «Помещики, капиталисты и духовенство», будучи венграми или мадьяронами, «прямо ненавидят чехов [...] и им несравненно более по душе венгерский помещичий режим, чем мелкобуржуазная чешская демократическая республика». Крестьян и рабочих настроили против чехов «всякие чешские спекулянты», которые двинулись в Словакию как «в свою колонию, относятся к местному населению грубо и чисто по-эксплуататорски». Далее в обзоре предпринималась попытка показать отношение к Праге основных политических партий в Словакии. В частности, отмечалось, что аграрная и социал-демократическая партии выступали за объединенное чехословацкое государство. Опираясь на них, Прага проводила «унификацию» законов во всей республике, которая означала «уничтожение самостоятельности Словакии», обещанной в свое время Т. Г. Масариком словакам.³⁰ Очевидно, имелось ввиду заключение будущим президентом со словацкой эмиграцией в США 30 мая 1918 г. Питтсбургского соглашения, предусматривавшего создание чешско-словацкой демократической республики, в которой Словакия имела бы собственную администрацию, сейм, суды и словацкий язык был бы официальным языком.³¹ Эти условия властями ЧСР не были выполнены.

«Умеренное крыло католиков-словаков» (по всей видимости, речь идет о Словацкой народной партии) во главе с ксендзом А. Глинкой требовало автономии Словакии в границах ЧСР. «Радикальное крыло католиков» во главе с Ф. Егличкой развернуло подрывную деятельность из-за границы: вначале из Венгрии, а затем из Польши. Составители этого документа выражали уверенность, что словацкое сепаратистское движение направлял и финансировал Будапешт, что с согласия венгерского правительства Егличка перенес свою деятельность в Варшаву, чтобы избежать контроля Антанты в Венгрии. В Варшаве Егличка создал «Словацкий национальный совет», от имени которого передал меморандум венгерскому правительству. Меморандум, по существу содержал план решения словацкого вопроса: 1. В определенное время венгерские войска займут Словакию. 2. Управление Словакией примет Словацкий национальный совет, которому должно быть предоставлено право назначать и смещать должностных лиц. 3. Спустя месяц после оккупации совет произведет выборы в сейм, который и решит вопрос о будущем Словакии: она останется самостоятельным государством или присоединится к Венгрии или Польше. 4. Венгрии будут возвращены все территории, населенные венграми. 5. В случае если сейм примет решение о присоединении к Венгрии, Словакия

30 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 35.

31 См.: Rychlík, Jan: 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha 2018, s. 203–204.

должна получить автономию. Исходя из содержания меморандума, составители обзора делали вывод, что «речь идет не о самостоятельности Словакии, а о присоединении к Венгрии».³²

Егличка издавал газету «Slovák», с помощью которой вел активную античешскую пропаганду. В обзоре отмечалось, что словацкие сепаратисты немногочисленны, но весьма влиятельны, и польское правительство их поддерживает.³³ В упоминаемом выше ноябрьском отчете миссии подчеркивалось, что «поляки при помощи словацких ксендзов, ненавидящих еретиков-гуситов чехов, агитируют в Словакии за федерацию Словакии и Польши. За счет Чехословакии Польша и Венгрия хотят иметь общие границы и быть естественными союзниками».³⁴ Этот вопрос часто обсуждался в польской печати, о чем, в частности, сообщал Гиллерсон Чичерину 3 января 1921 г. Он также информировал наркома об усилении античешского движения в Словакии и Подкарпатской Руси «в сторону венгерской ориентации», о переговорах в Вене председателя Словацкого национального совета с австрийскими христианскими социалистами и с венгерским посланником. Гиллерсон сообщал о контактах австрийских христианских социалистов с Венгрией и экс-императором Карлом Габсбургом в Швейцарии.³⁵ Контакты были не случайными: в конце марта Карл Габсбург попытается утвердиться на венгерском престоле.³⁶

В документах советской миссии Красного Креста также отмечалось, что Прага не выполнила договоренности о предоставлении Подкарпатской Руси автономии, и чешские чиновники там «распоряжаются полновластно»,³⁷ что вызывает соответствующую реакцию местного населения – протесты против чехизации.³⁸ В донесениях миссии в Москву указывалось на попытки Венгрии вмешаться в дела Подкарпатской Руси. В вышеупомянутом обзоре о Словакии подчеркивалось, что в течение ноября 1920 г. чехословацкая печать не раз сообщала, что Венгрия собирается напасть на Подкарпатскую Русь, предварительно организовав там беспорядки. Под этим предлогом венгерские войска, которые будто для этой цели всегда были наготове, вторглись бы в Подкарпатскую Русь, устранили бы беспорядки и потребовали бы

32 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 35.

33 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 35.

34 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 31.

35 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53932, л. 3.

36 См.: Galandauer, Jan: Karel I. poslední český král. Praha 2004, s. 307–315.

37 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 35.

38 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53929, л. 24.

пересмотра чехословацко-венгерской границы.³⁹ Данные опасение не были лишены оснований. Добровольческие отряды венгерских националистов, в частности, под командованием П. Пронаи, готовились в то время к военным действиям в Словакии и Подкарпатской Руси, была даже назначена конкретная дата вторжения – 24 декабря 1920 г. Но, как отмечает известный российский историк А.И. Пушкаш, осуществлению этого плана помешали венгерские власти: регент М. Хорти и председатель правительства П. Телеки. Они надеялись договориться о совместных действиях с Польшей.⁴⁰

Документы советских миссий в Праге свидетельствуют о значительном интересе к Подкарпатской Руси со стороны Москвы. 14 августа 1920 г. Гиллерсон сообщил в шифровке Чичерину о своей второй встрече с президентом ЧСР Т. Г. Масариком, состоявшейся 10 августа: «Второе свидание с Масариком продолжалось 5 часов. Согласился на включение Карпата Руси в Российскую Федерацию».⁴¹ К сожалению, кроме этой очень лаконичной шифровки автору данной статьи ни в российских, ни в чешских архивах не удалось обнаружить никаких записей беседы Гиллерсона с чехословацким президентом на эту тему. Впоследствии согласие Масарика на передачу Подкарпатской Руси Советской России расценивалось как вынужденное ввиду приближения Красной армии к Варшаве и к границам ЧСР.⁴² Сообщения миссии Красного Креста о положении в Подкарпатской Руси летом и осенью 1920 г. тесно связаны с событиями в Восточной Галиции, ходом польско-советской военной кампании. большей частью это была информация революционных органов – «ревкома отряда Красной армии при Карпатах», неведомого «исполкома» или «комиссара», пересылка которой осуществлялась через миссию. В одном из «приложений к докладу т. Гиллерсона» (документ без даты и подписи) сообщалось об обстановке в Подкарпатской Руси во время восстания в Восточной Галиции в августе-сентябре 1920 г., которое было подавлено польскими и петлюровскими войсками. Часть повстанцев рассеялась по Галиции, а часть – перешла Карпаты и была интернирована чехословацкими войсками. В документе указывалось, что в самом Ужгороде в течение нескольких месяцев находилась так называемая украинская рабочая сотня под командой сотника Заворотнюка. Эта сотня состояла из старшин и казаков, бежавших из петлюровских войск, и молодежи призывного возраста, уклонявшейся от мобилизации. «Отношение чешских властей к украинской сотне было хорошее и вообще украинцы в Карпатской

39 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 35.

40 Пушкаш, Андрей: Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. Москва 2006, с. 80.

41 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53927, л. 10.

42 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 276, д. 53952, л. 134.

Руси чувствовали себя как дома – интеллигенции представлялась служба, а сотня находилась на различных работах, получая от интенданства полное довольствие, одежду, помещение и 6 крон в день, прирабатывая кроме того до 37 крон в день на человека, – отмечалось в документе. – Чешские власти были убеждены, что украинцы не сочувствуют Красной Армии». ⁴³ Но, когда началось восстание в районе Стрыя многие украинцы из сотни с оружием стали переходить в Галицию и присоединились к повстанцам. В конце августа намеревался присоединиться к повстанческим отрядам в Галиции и Заворотнюк со своей сотней, но чехословацкие власти, узнав об этом, 26 августа сотню разоружили и заключили под стражу. Арестовав украинцев, чехословацкие власти в спешном порядке подтянули свои войска к границе, разместив их в селах, расположенных около границы с Польшей, а усиленные наряды жандармов заняли все проходы в Карпаты. ⁴⁴ В Подкарпатскую Русь были направлены транспорты с оружием и снаряжением. Наблюдатель отмечал, что даже охране границы с Венгрией уделялось меньше внимания, несмотря на то, что венгерские войска были сосредоточены вдоль границы с Чехословакией и в пользу Венгрии в Подкарпатской Руси велась «усиленная агитация». ⁴⁵

В следующем докладе «О Карпатской Руси» от 24 октября 1920 г. отмечалось: «Отступление советских войск от Львова было неожиданностью, как для населения Галиции, так и для Карпатской Руси, с нетерпением ожидавших появления красных застав в лесистых Карпатах. Вследствие отхода красных, партизанские отряды, действовавшие против польских и петлюровских войск в районе Станислав – Стрый, были рассеяны по разным направлениям. Часть из них укрылась в Карпатах, часть, прижатая к чехословацкой территории, с боем отошла в Карпатскую Русь, где и была интернирована чехами и направлена по лагерям». ⁴⁶

В докладе сообщалось, что по непонятным причинам чехословацкие власти начали выдавать повстанцев Польше: украинцев и галичан привозили на польскую границу и передавали польским жандармам. Против этих действий чехословацких властей протестовали различные политические и общественные организации Подкарпатской Руси. «Все газеты, даже церковно-клерикальная «Наука» напоминают, что Турция не выдавала венгерских повстанцев Австрии, несмотря даже на угрозы объявления войны последней. Даже Турция, а в Чехословакии это, увы, совершившийся

43 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53924, л. 12.

44 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53924, л. 12.

45 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53924, л. 12.

46 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53925, л. 10.

факт...», – отмечалось в докладе. В докладе также сообщалось, что губернатор Подкарпатской Руси Г. Жаткович издал приказ о высылке за пределы республики «лиц, неопределенных занятий», агитаторов, лиц, родственники которых находились за пределами республики и т.д.⁴⁷ К высылке будто было намечено около 10 тысяч человек.⁴⁸

Далее составитель доклада, подписавшийся как «комиссар организации», сообщал в Москву, что он ездил в Подкарпатскую Русь и предпринял попытку объединить Международную социалистическую партию и русинскую социал-демократическую партию. Из содержания доклада заметно стремление его составителя отрапортовать в Москву о достигнутом успехе, но в тоже время он не решался на явную ложь. Поэтому он ограничился фразой, что его предложение об объединении было принято и «в недалеком будущем будет осуществлено и проведено в жизнь».⁴⁹ Проблема объединения этих двух партий действительно была непростой. В создании Международной социалистической партии в марте 1920 г. активное участие приняли деятели коммунистического режима в Венгрии, спасавшиеся в Чехословакии от хортистского террора на родине.⁵⁰ Автор доклада характеризовал эту партию как коммунистическую.⁵¹ Социал-демократическая партия в Подкарпатской Руси была образована 16 мая 1920 г. в результате объединения русинских, венгерских и еврейских социал-демократов. Возглавил партию бывший депутат австрийского рейхсрата Я. Остапчук, и, как отмечает известный исследователь Подкарпатской Руси И.И. Поп, вскоре после образования социал-демократическая партия развернула проукраинскую агитацию.⁵² Очевидно, в рядах обеих партий имели место различные идейные и национальные течения. Не случайно в одном из писем Чичерину Гиллерсон писал о том, что «имеются сведения, что даже венгерские коммунисты не чужды национального шовинизма».⁵³ Поэтому неудивительно, что автор доклада, пытаясь объединить эти партии, столкнулся с трудностями. На том этапе ему удалось создать «временный революционный комитет для революционной работы в Галиции и Карпатской Руси», о чем он сообщал в Москву. Ревком состоял

47 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53925, л. 10.

48 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53925, л. 11.

49 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53925, л. 11.

50 Пушкаш, А.: Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945, с. 75.

51 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53925, л. 11.

52 Поп, Ivan: *Dějiny Podkarpatské Rusi v datech*. Praha 2005, s. 310.

53 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53925, л. 6.

из пяти человек, находившихся в Подкарпатской Руси, и его, комиссара, – в Праге «для связи с другими организациями».⁵⁴

В Подкарпатской Руси Москва поддерживала контакты не только с леворадикальными организациями, но и с русофилами. С «вождем прикарпатского русского движения», так его именовал Чичерин, не называя фамилии, нарком лично встречался и имел обстоятельную беседу весной 1922 г. в Берлине. «Это русский националист, ориентирующийся на Россию, какова бы она ни была, – писал Чичерин секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину 14 ноября 1922 г. – Руководимое им движение в настоящее время стремится к получению автономии в пределах Чехословакии, а в будущем к присоединению к России». Нарком обращался к Сталину в связи с тем, что лидер подкарпатских русофилов прибыл в Москву с просьбой выделить «для самых настоятельных нужд движения» пять тысяч фунтов стерлингов. Для контроля за расходованием денег он предлагал направить в Подкарпатскую Русь представителя из Москвы. Это предложение чрезвычайно заинтересовало Чичерина. В записке Сталину он предлагал направить в Подкарпатскую Русь секретного представителя НКВД, который смог бы «на месте толкать движение влево». Кроме того, перед ним «откроются и гораздо более широкие задачи», считал Чичерин, поскольку Подкарпатская Русь «занимает географически центральнейшее положение, соприкасаясь с Румынией, Трансильванией, собственно Венгрией, Чехословакией и Восточной Галицией». «Наш нелегальный представитель в Прикарпатской Руси будет исходной точкой и затем центром нашей подпольной дипломатии в окрестных странах», – убеждал нарком Сталина. Чичерин считал, что пренебрегать «русским движением» в Подкарпатской Руси и игнорировать его лидера для Советской России крайне невыгодно. «Если же мы его оттолкнем, он может броситься в объятия Югославии, которая интересуется этим движением», – подчеркивал нарком.⁵⁵

Таким образом, в документах советских миссий в Праге межнациональным отношениям в ЧСР уделялось значительное внимание. При том, что главная вина за конфликтные отношения чехов с богемскими немцами, словаками и русинами возлагалась на чешский национализм, а в ряде случаев и на правящие круги ЧСР, обращает на себя внимание разный угол зрения советских дипломатов на эти конфликты. Если в случае с богемскими немцами проявлялась заинтересованность в их примирении с чехами, надеждой на их участие в правительстве ЧСР, то в Словакии и в Подкарпатской Руси

54 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53925, л. 11-12.

55 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 159, оп. 2, д. 35, л. 148-149.

наблюдается интерес к сепаратистским движениям. В переписке с советскими представителями в Праге Чичерин объяснял, что «мы развиваем дружбу с Чехословакией», но одновременно поддерживаем связи со словаком Егличкой и Подкарпатской Русью с целью давления на чехословацкое правительство.⁵⁶ В последующие годы советские дипломаты станут проявлять большой интерес к установлению отношений со словацкими и немецкими политиками – депутатами Национального собрания и членами правительства ЧСР, пытаясь с их помощью добиться расширения советско-чехословацкого сотрудничества и признания СССР.

⁵⁶ См.: РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 35, л. 154, 185.

The Relations among the Nations in Czechoslovak Republic at the beginning of 1920s as elucidated in the Soviet Diplomatic Documents

The author of the article investigates the relations among the ethnic groups in Czechoslovak Republic at the beginning of 1920s as they are elucidated in the documents of the mission of the Red Cross and the trade delegation of the Soviet Russia in Prague and the problems to which the Soviet diplomats paid special attention. The tense relations among Czechs, Bohemian Germans, Slovaks and Ruthenians can be seen in the dispatches of the leaders of the missions to People's Commissariat for Foreign Affairs of the Russian SFSR, in monthly reports and special reviews of the Soviet missions. The Soviet diplomats laid the main blame for these conflicting relations on the Czechs' nationalism and sometimes on the political elite of Czechoslovak Republic. Different attitudes of the Soviet diplomats to the conflicts of Czechs with Bohemian Germans, Slovaks and Ruthenians are considered in the documents in detail. In the case of Bohemian Germans the Soviet diplomats were interested in their reconciliation with Czechs and hoped that they will participate in Czechoslovak government, but in the case of Slovakia and the Subcarpathian Ruthenia the Soviet diplomats were especially interested in separatist movements. At the beginning of the 1920s Moscow was making an attempt to use the separatist movements in Slovakia and the Subcarpathian Ruthenia with the purpose of pressing the Czechoslovak government. In the conclusion of the article the author states that in the following years the Soviet diplomats were aiming at making up relations with the Bohemian German and the Slovak politicians who were the deputies of the National Assembly and the members of the Czechoslovak government. The Soviet diplomats' goal was to use them for the development of the Soviet-Czechoslovak cooperation and recognition of the USSR.